

1 ДЕК 1973

Стр. 4

АКТИВНОСТЬ ТАЛАНТА

(К 70-летию народного артиста СССР М. И. Царева)

УДИВИТЕЛЬНО многое — многое и глубокое это явление — Михаил Царев. Блистательный актер, вот уже полвека пребывающий на сцене. Активный общественный деятель, коммунист, воинствующий борец за реализм, не отделяющий красоту от правды. Профессор, преподавающий молодежи сценическое искусство, мастер художественного слова. Автор многих публицистических статей и выступлений.

Как председатель совета ВТО, Царев возглавляет огромную армию актеров и режиссеров многонациональной России. Как президент Советского национального центра Международного института театра, он связан с соответствующими организациями пятидесяти стран всех континентов. Его более всего волнует, чтобы театр служил делу прогресса и всеобщего мира.

Особо хочется отметить внимание Царева к народному творчеству, самодеятельности. Его страстный призыв бережно, серьезно относиться к народным талантам.

И как не сказать, что Царев уже много лет директор старейшего коллектива сокровищницы русской культуры — Малого театра. Он уважительно заботится о великих, немеркнущих традициях этой сцены, но вместе с тем видит в ней не музейную «реликвию», старается поддержать в театре живое, развивающееся, молодое.

Невозможно в газетной статье охватить все разнообразие интересов Царева, но что бы он ни делал, всюду раскрываются присущие ему интеллект, обаяние, верность знамени реализма и партийности, щедрость сердца большого художника.

Духовное богатство крупного актера советской эпохи, его жизненный опыт и гражданственность в полной мере сказываются в облике и характере его сценических героев. Еще двадцатилетним юношей сыграл он Чацкого в Василеостровском театре, на рабочей окраине Петрограда, и тогда уже насытил свое исполнение пылом негодования против общества, основанного на лжи и угнетении. Трудно было тогда вообразить, что Царев впо-

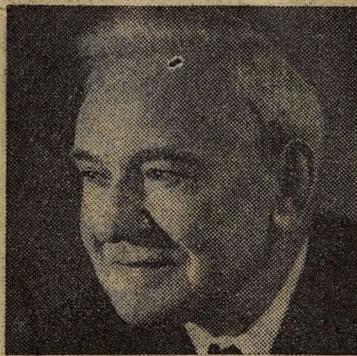
следствии с необычайной силой воплотит и Фамусова — внешне обаятельного, милого, гостеприимного и вместе лицемерного, ревнивого хранителя устаревших норм и догм крепостнической поры.

С 1933 года Царев постоянно живет и играет в Москве. И время от времени вновь возвращается к этим образам, но неверно думать, что они оставались неизменными. Образы эти (Чацкого и Фамусова) становились все масштабнее, ярче.

Уже в последние годы Царев вновь поразил контрастами преображений, сыграв по очередно роли враждующих персонажей — Старика и Мастакова — в полемической, острой пьесе М. Горького «Старик». Царев глубоко обнажает психологическую драму Мастакова — интересного, жаждущего созидательной деятельности, добросердечного человека, отвергающего мрачную, изуверскую, жестокую «философию» Старика. И он же в другой раз, в том же спектакле Малого театра, словно скальпелем вскрыл и исследовал социально-психологический образ Старика с его жгучей ненавистью к духовной независимости, жизнелюбию, с его догмами религии, хитростью, вкрадчивостью, вероломством, жестокостью.

Актер утверждает человечность, красоту, могущество разума то путем возвеличения, романтического, герического пафоса, то путем отрицания, развенчания всего, что ему враждебно. Так воплотил он проникновенный образ толстовского Феди Протасова («Живой труп»), этот истинно русский характер с его душевностью, искренностью, совестливостью. И в противоположность тому показал хищнический эгоизм, трагедию честолюбивого властолюбца — шекспировского Макбета.

Мы видели в его исполнении муки Арбенина, изверившегося, охваченного яростью, обманутого во всем добром и светлом, возненавидевшего холодный и лживый мир светского общества. С другой стороны, Царев пленяет нас бурным, радостным весельем, изящным юмором дона Сезара де Базана в пьесе В. Гюго «Рюи Блаз». А

его поборник человеческого достоинства — обаятельный Жадов в «Доходном месте» Островского или ловкий, ироничный, пользующийся слабостями и пороками окружающих Глумов в пьесе «На всякого мудреца довольно простоты!» Темперамент публициста и мудрость мастера слились воедино.

Особое место в творчестве Царева занимают роли в пьесах современного советского репертуара. Здесь наиболее значительна была роль генерала Огнева в «Фронте» Корнейчука. Встречи с боями Советской Армии, поездки с концертными бригадами в расположение наших войск, личные наблюдения помогли Цареву воссоздать образ мужественного, сильного человека, солдата-генерала.

Большое идеально-художественное значение в послевоенном репертуаре актера имел вдумчивый, самоотверженный, энергичный характер секретаря обкома Ромодана, в спектакле Корнейчука «Крылья», отличался новизной и свежестью. Подлинным открытием стал тип Вожака в «Оптимистической трагедии» Вишневского. Царев показал не стихийного, а убежденного, упорного, опасного врага революции, Советской власти.

Последняя по времени роль Царева в спектакле по пьесе Г. Гауптмана «После захода солнца» поразила новыми гранями его таланта. Огромная духовная сила и независимость его Маттиаса Клаузена при предельной сдержанности внешних средств выразительности выглядят монументально, впечатляюще. Актрис передает трагедию человека, возвышенного и честного, перед лицом разнудзданной алчности, насилия, грубости буржуазного общества в канун приближающегося фашистского переворота.

Царев, полный энергии, продолжает свою деятельность актера, гражданина, соратника и друга наших современников.

Пожелаем же популярному артисту — Герою Социалистического Труда успеха в его неутомимых творческих искахниях и дерзаниях!

А. ДУБИНСКАЯ,
кандидат филологических наук.